

5. Божченко А.П. Установление личности на основе генетического анализа дерматоглифических признаков пальцев рук : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2000.

6. Божченко А.П. Возможности определения идентификационно значимых признаков человека посредством анализа дерматоглифических структур пальцев рук // Проблемы экспертизы в медицине. 2004. № 4.

7. Иваненко С.А. Дерматоглифическая диагностика предрасположенности мужского населения призывного возраста Северо-Запада России к суициду : автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2011.

8. Моисеенко С.А., Божченко А.П. К вопросу о возможности определения длины тела человека по признакам дерматоглифики : сб. науч. тр. врачей ЛенВО / под ред. А.В. Грицука. СПб., 2007.

9. Теплов К.В., Божченко А.П., Гугнин И.В. Групповой полиморфизм и изменчивость дерматоглифических признаков пальцев рук и ног; сравнительная характеристика // Судеб.-мед. экспертиза. 2014. № 4.

10. Ригонен В.И., Божченко А.П. Особенности дерматоглифической конституции русских Республики Карелия // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. 2015. № 6.

УДК 343.1:343.14:343:98

Е.И. Галяшина

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ОБ ИНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Коррупция – сложное социально-политическое явление, которое зародилось в глубокой древности и продолжает существовать в настоящее время практически во всех странах мира. Это одна из самых острых проблем не только на национальном, но и на международном уровне. Коррупция сегодня затрагивает все стороны жизни общества, пронизывает властные институты. Российское государство, стремясь выработать эффективные меры по предупреждению и искоренению коррупции, наращивает правовые механизмы по противодействию коррупционным преступлениям.

Важнейшее значение имеет определение, закрепленное в нормативных правовых актах, регламентирующих противодействие коррупции. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» оперирует понятием «коррупция» (ст. 1) и «коррупционные преступления» (ст. 4). Согласно указанному Закону (п. 1. ч. 1), понятие коррупции определяется как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, ком-

мерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение деяний, указанных в подп. «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

Однако легальное определение понятия «коррупционные преступления» отсутствует, хотя само понятие активно применяется в правоприменительной практике. Этот термин встречается в содержании и названии постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», но не раскрывается в нем.

Таким образом, российский законодатель применил для определения термина «коррупция» собирательный подход, использовал его как родовое по отношению к понятию «коррупционные преступления», дефинируя его через их перечисление.

Правосудие по делам о коррупционных преступлениях (взяточничество (ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ), иные связанные с ним преступления, в том числе коррупционные (ст. 159, 160, 204, 292, 304 УК РФ)), должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В этой связи особое значение приобретает использование различных специальных знаний, в том числе и лингвистических, поскольку в ходе вербальной коммуникации (переговоров или переписки, обменом сообщениями) взяткодателя и взяткополучателя могут обговариваться условия и характер оказываемых «услуг», размер «вознаграждения» за действия или бездействие в пользу взяткодателя, достигаться иные договоренности.

Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным со взяточничеством, коммерческим подкупом и иными коррупционными преступлениями назначается в тех случаях, когда возникает необходимость на основе специальных лингвистических знаний установить факты, имеющие значение доказательств: наличие или отсутствие в речевой коммуникации (устной или письменной) лингвистических признаков коррупционного либо провокативного (подстрекательского) речевого поведения.

Процессуальным основанием назначения судебной лингвистической экспертизы по данной категории дел является установление объектив-

ной или субъективной стороны преступления, обстоятельств, влияющих на квалификацию преступления, в том числе мотивов, умысла и др. Специальное основание назначения экспертизы определяет экспертные задачи и правовое значение полученных результатов (выводов эксперта), в частности, таковым для лингвистической экспертизы являются подозрения о наличии в речевом поведении коммуниканта признаков коррупционного поведения (в форме требования, посула, обещания, предложения и т. п.). Для установления факта провокации – подозрения или заявления о подстрекательстве, манипуляциях, склонении против воли, инсценировке, имитации, «агентурной» игре и т. п.

К признакам коррупционного речевого поведения, определяющим потенциальную юридическую значимость результатов лингвистической экспертизы, относятся следующие речевые акты: требование, понуждение, принуждение, просьба, обещание, предложение, уговоры и т. д. Обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе при квалификации содеянного будут рассматриваться как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами.

С коммуникативной точки зрения вымогательство в речевом акте выражается в форме побудительных высказываний, содержащих признаки требования и угрозы, воспринимаемые как таковые собеседником.

Способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц выражается в использовании взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания воздействия на других должностных лиц для совершения ими указанных действий (бездействия) по службе. Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» такое воздействие заключается в склонении другого должностного лица к совершению соответствующих действий (бездействию) путем уговоров, обещаний, принуждения и др.

В этой связи юридическое значение будет иметь не только форма, в которой состоялся тот или иной речевой акт, но и его внутреннее со-

держание, семантика высказываний, определяющих смысл договоренностей, намерения, условия, совершения действий (бездействия), предназначение и предмет взятки (деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав).

Провокационное речевое поведение в отличие от коррупционного сопряжено с иным составом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 304 УК РФ. В этом случае попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществляется провокатором, действующим в иных целях: для искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа. Осуществляя манипуляции или провокативный речевой акт, провокатор осознает, что должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, не давало согласия принять взятку либо предмет коммерческого подкупа, либо недвусмысленно отказалось их принять. В речевой коммуникации между провокатором и должностным лицом будут присутствовать признаки искусственности (неестественности, наигранности, амбивалентности, манипулятивности) речевого поведения провокатора и признаки коммуникативной неудачи речевого акта со стороны провоцируемого, свидетельствующие о передаче (попытке передаче) имущества либо оказания услуг имущественного характера без ведома должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, без их согласия либо вопреки их отказу принять незаконное вознаграждение.

Провокативность речевого поведения может иметь место и в случаях подстрекательских или манипулятивных действий сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших или склонивших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа.

Провокация с коммуникативной точки зрения – речевое поведение, инициирующее реакцию собеседника, выражающую согласие (явно или завуалированно) на совершение действия или бездействия в интересах собеседника. Цель провокатора – добиться произнесения собеседником слов, которые впоследствии могут быть истолкованы как вымогательство, требование, предложение, согласие, намерение на получение взятки или предложение к даче (получению) взятки. Провокатор знает, что производится фиксация переговоров (либо им самим инициативно,

либо под контролем правоохранительных органов), потому его речевое поведение носит искусственный (игровой) характер лица, говорящего или пишущего «под запись». Это проявляется в речи в форме использования провокативных или манипулятивных речевых тактик.

Провокация предполагает манипулятивное воздействие, в том числе и на сферу эмоций; ориентирована на вызов у собеседника желаемого говорящему психологического состояния; являет собой комплексное образование, включающее понуждение, манипулирование, склонение, внушение, игровое поведение и т. п.

Следует отметить, что установление намерений или целей коммуникантов в разговоре или переписке к компетенции судебной лингвистической экспертизы не относится [1, с. 79–81].

Задачи, решаемые судебной лингвистической экспертизой по данным категориям дел, определяются указанными выше правовыми основаниями ее назначения и кругом объектов – носителей лингвистически релевантной информации. К ним относятся: фонограммы переговоров взяточдателя и взяточполучателя, записанные инициативно кем-либо из коммуникантов либо полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, при участии или без участия в них одного из коммуникантов; смс-сообщения; сообщения в социальных сетях, переписка по электронной почте и иные способы связи и т. д.

Ключевыми понятиями, определяющими спектр решаемых вопросов, являются хорошо разработанные в лингвистике понятия «требование», «предложение», «угроза» [2], сопряженные с правовым понятием «вымогательство», понятия, нуждающиеся в экспертном осмыслении и лингвистическом освещении, «подстрекательство», «склонение», «манипулирование», сопряженные с правовым понятием «провокация» [3; 4, с. 43–51].

Следует отметить, что филологи, не имеющие дополнительного профессионального образования по экспертной специальности «судебная лингвистическая экспертиза» («исследование продуктов речевой деятельности»), часто смешивают юридические и лингвистические компетенции [5, с. 245–249]. И здесь важно еще раз подчеркнуть, что установление или доказывание фактических обстоятельств дела (признаков объективной или субъективной стороны преступления) к компетенции экспертов-лингвистов не относится [6, с. 6–14].

Важно отметить, что провокативное речевое поведение обычно сопряжено с завуалированной инициацией «провокатором» темы «взятка». Побуждение собеседника к вербализации темы «деньги», «услуги» в пользу взяточполучателя также может рассматриваться как провока-

ционное манипулирование с учетом того, что побуждающий, как правило, осведомлен о проведении записи разговора, а побуждаемый нет.

По сути, задачи судебной лингвистической экспертизы по данной категории дел носят диагностический характер. Это сложные обратные задачи экспертной диагностики, когда по лингвистическому описанию речевого следа необходимо реконструировать коммуникативное событие и определить его существенные свойства.

К диагностическим признакам провокативного в отличие от коррупционного речевого поведения можно отнести следующие: иницирование ключевой, значимой темы «провокатором», которая маскируется или вуалируется, выражается имплицитными речевыми средствами с формальной передачей активности собеседнику; снижение критичности восприятия собеседника за счет быстрого, многопланового «переключения» разговора с одной темы на другую, где ввод значимой темы маскируется введением в разговор малозначимых сопутствующих тем, отвлекая внимание собеседника от своей инициативы; использование многословия и быстроты темпа речи, вставки двусмысленных или неоднозначных реплик в форме фатической речи, которые при непосредственном общении не воспринимаются собеседником как информативные, и т. д.

К компетенции судебной лингвистической экспертизы относится решение задач: определение лексико-грамматического оформления, выявление семантических компонентов содержания и экспликация коммуникативной направленности дискурса. Эксперт-лингвист при решении задач лингвистической экспертизы не может исходить из своих собственных представлений о правовых категориях взятки, подкупа или провокации, не дает юридической квалификации деяния, не решает правовых вопросов, но выявляет лингвистические признаки, служащих для установления фактов и обстоятельств, относящихся к предмету доказывания. Лингвистический признак отражает свойство (формы и содержания) дискурса и его единиц (высказываний, слов и словосочетаний) как объекта диагностического экспертного исследования, обладающего знаковой природой. Лингвистическая составляющая коррупционной (либо провокативной) коммуникации заключается в экспликации того, что именно, как и для чего сказано (в какой форме и с какой содержательно-смысловой направленностью). Используются объективные семантические, грамматические, стилистические, коммуникативно-прагматические и дискурсивные методы анализа с учетом письменной или устно-речевой реализации текста его диалогической формы. В этой

связи комплексный подход к выявлению системы лингвистических признаков, дифференцирующих коррупционное и провокативное речевое поведение, требует применения не только речеведческих и лингвистических знаний о дискурсе и его свойствах как объекте исследования, оцениваемых в их совокупности с криминалистических позиций, но и специальных экспертных компетенций, формируемых в целях приобретения экспертом-лингвистом знаний, навыков и умений, и главное тех, которые позволяют получать верифицируемые результаты лингвистического анализа.

1. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : учеб. пособие. М., 2007.
3. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.
4. Штеба А.А. Конститутивные признаки провокативного коммуникативного поведения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы III-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 3. Ростов н/Д, 2013.
5. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Полит. лингвистика. 2015. № 3.
6. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина. 2016. № 8.

УДК 343.98:[340.63:343.148.33]

И.С. Гвоздева, А.Л. Южанинова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ВИДЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОВЕДЕНИЙ ДО САМОУБИЙСТВА

Для определения современных тенденций правоприменительной практики в использовании специальных психиатрических и психологических знаний в виде судебных экспертиз при расследовании преступлений по доведению до самоубийства было проведено исследование текстов судебных приговоров (51), вынесенных за период с 2011 по

2017 гг, результаты о котором были опубликованы на сайте «Судебные и нормативные акты РФ».

Так, в 41 % случаев от общего числа изученных приговоров в качестве доказательства использовались судебно-экспертные заключения психиатров и/или психологов в отношении потерпевших и обвиняемых. То есть почти в половине случаев при расследовании такого рода уголовных дел используются специальные психологические и/или психиатрические знания в виде судебных экспертиз. Полученный результат свидетельствует об актуальности изучения проблемы использования специальных знаний по данной категории дел.

Итак, в результате исследования установлено, что доля судебных экспертиз, проведенных в отношении потерпевших, составляет 76 %, а в отношении обвиняемых – 24 % (χ^2 -критерий = 27,04, что статистически значимо при $df = 1$ и $\alpha = 0,001$). Полученные данные свидетельствуют о стремлении правоохранительных органов использовать специальные знания для определения обстоятельств расследуемого события преимущественно в отношении потерпевших, а не обвиняемых. Полагаем, что выявленная тенденция указывает на недооценку судебно-экспертного подхода в установлении особенностей субъекта преступления при формировании доказательственной базы по делу.

Так, удельный вес судебных экспертиз по всем изученным приговорам был следующим: психиатрические – 21 %, комплексные психолого-психиатрические – 10 %, психологические – 10 %. Такое распределение отличается от равномерного ($\chi^2 = 5,89$ при $\alpha = 0,1$ и $df = 2$), тем самым прослеживается тенденция преимущественного использования психиатрических знаний по сравнению с психологическими или комплексными психолого-психиатрическими при расследовании данной категории дел.

В отношении обвиняемых судебные экспертизы (были судебно-психиатрическими) проводились в 10 % анализируемых случаев, их использование было направлено на определение способностей подэкспертных осознавать суть и общественную опасность собственных действий, а также руководить своими действиями в юридически значимых ситуациях в зависимости от психического расстройства. То есть такие экспертизы назначались для установления судом вменяемости обвиняемых. Судебно-экспертный вывод по результатам всех этих экспертиз был положительным: т. е. обвиняемые по данной категории дел обычно способны правильно осознавать характер оказываемого ими физического или психического воздействия на жертву и предвидеть возможные последствия своих поступков в отношении потерпевших.

Полагаем, что игнорирование в отношении обвиняемых по делам о доведении до самоубийства возможностей современной судебной